

ОЛЬГА КАРПОВИЧ

ОСТАНЬСЯ СО МНОЙ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К26

Карпович, О.

К26 Останься со мной / О. Карпович. — М.: RUGRAM,
2024. — 466 с.

ISBN 978-5-521-91123-3

Таинственная певица с экзотическим именем Айла буквально создана, чтобы разбивать мужские сердца. Но даже самым проницательным из мужчин трудно догадаться, что сцена — всего лишь прикрытие, на самом деле Алина выполняет сложную работу для правительства. Она ловко справляется с самыми сложными заданиями, пока... не влюбляется в главного подозреваемого по делу, связанному с деятельностью арабской террористической организации.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Ольга Карпович, текст, 2023
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-521-91123-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Да, я – Ибрагим.
В любом месте Ибрагим будет
чужим. Не принятым ни
в одном уголке света. Изнан-
ным из рая пророком любой
религии. Горящим в собствен-
ном аду. Лишенным
спокойного сна...*

Я – вечный скиталец Ибрагим.

Сначала по экрану пошли серые помехи, затем что-то щелкнуло и начался видеоролик. В кадре возник мужчина в военной форме, по самые глаза замотанный в черно-белую арафатку. Хотя на самом деле пол говорящего, равно как возраст и национальную принадлежность, можно было определить чисто условно. Белая с черным арафатка полностью скрывала его лицо, в узкой щели разглядеть можно было лишь блестящие воодушевлением глаза и тонкую переносицу. Даже цвет глаз этого человека оставался под вопросом. Качество видео было плохим, камера дрожала, цветопередача явно оставляла желать лучшего, что,

несомненно, сделано было нарочно. Поэтому ясно было лишь то, что глаза у человека темные. А черные они, серые или карие — непонятно.

Мужчина заговорил: голос звучал странно, как будто надтреснуто, механически. Очевидно, голос тоже нарочно изменили.

— Международная организация «Камаль», — произнес мужчина по-арабски, — является крупнейшим исламским объединением в современном мире. Наша цель — восстановление Османского халифата, создание единого исламского государства, сильного и могущественного. Наш долг — не щадя жизни, бороться с неверными, уничтожать враждебные нам режимы, стирать с лица земли стоящие на нашем пути государства! Численность наших братьев составляет двести тысяч человек, и каждый день к нам присоединяются новые и новые члены нашего братства.

Закутанный в платок человек пропал с экрана, но голос его остался. Потянулись кадры хроники, сопровождаемые комментариями. На экране люди в военной форме, с прикрытыми темными повязками с прорезями для глаз лицами, тащили куда-то ящики с оружием. В кадре мелькали контейнеры с пулеметами, гранатами, на заднем плане высвечивались под южным солнцем пыльные бока БТРов.

— Мы располагаем тяжелым вооружением, — продолжал голос. — Все оружие, которое страны, являющиеся нашими врагами, производят, чтобы уничтожить нас, с помощью колоссальной тайной сети наших сторонников попадает к нам в руки. Мы ежедневно получаем поставки из США, России, Израиля, Канады...

Кадры на экране сменились.

Теперь там появилась оживленная улица европейского города. Люди спешили по своим делам, заходили в магазины, останавливались, чтобы купить мороженое с лотка. Внезапно раздался взрыв, взвилось в воздух рыжее пламя, повалил черный густой маслянистый дым! Кругом закричали, побежали... Кто-то, прихрамывая, пытался оттащить от эпицентра огня залитое кровью развороченное тело женщины. Кто-то горячо орал в мобильник, пытаясь вызвать «скорую»...

— Бороться с нами бесполезно, — продолжал между тем бесцветный голос. — Мы — везде. Ваш улыбчивый сосед по лестничной площадке — наш человек, ваш босс на работе присягнул нам на верность, продавец из магазина под домом — наш брат во исламе.

Кадры снова сменились.

На этот раз на экране пронеслась хроника крупного теракта, произошедшего пару месяцев назад в многоэтажном здании бизнес-центра в Париже. Теракт унес несколько десятков жизней и нагнал ужас на жителей города.

— Мир тем, кто идет по прямому пути, а несправедливость карается Аллахом. Все, кто притесняет нас, будут уничтожены. Правительства Америки, России, Евросоюз и НАТО будут сметены с лица земли, угнетенный отомстит притеснителю. Ваш единственный выход — подчиниться нам, примкнуть к нашим рядам, стать нашими братьями, иначе мы принесем вам ужас, боль и смерть.

На экране снова появился мужчина в оливковой военной форме и платке.

Он пронзительно посмотрел в камеру и произнес:

— Это говорю вам я, Эмир Единого Османского Халифата и руководитель величайшей исламской меж-

дународной организации «Камаль». Помните, что сказано в Коране: «Скажи неверующим, что если они прекратят, то им будет прощено то, что было в прошлом. Но если они возвратятся к неверию, то ведь были уже примеры первых поколений». Аллах акбар!

Камера выключилась, и по экрану снова побежали серо-белые дергающиеся помехи.

Самолет совершил посадку точно по расписанию.

Я вышла из салона и сразу же, еще в аэропорту, всей душой ощутила, что вернулась в один из самых своих любимых городов.

Когда я приезжаю сюда, сердце мое каждый раз начинает стучать все быстрее и быстрее и появляется чувство, будто вот-вот что-то важное должно произойти в моей жизни!

Стамбул.

Как можно рассказать об этом городе тому, кто здесь никогда не бывал? Даже в тысячный раз посещая его, приезжая в это удивительное место, в котором как будто бы растворились прошлые столетия, в котором так много всего, чего нам теперь не понять, поражаешься заново. Мне до сих пор, как маленькой девочке, кажется, что вот-вот откуда-либо появится кортеж с Валидэ-султан или великим визирем, прекрасные шелка и великолепные короны засияют на солнце...

Однако прямо сейчас передо мной были все еще не живописные кварталы этого вечного города, а светлые помещения аэропорта, наводненные снующими во все стороны людьми. Туристами, таксистами, командированными, улетающими и встречающими. Пестрая толпа, разноязыкая речь, шум, гам, суета...

По роду занятий мне пришлось в жизни заниматься изучением разных восточных диалектов. И османский диалект турецкого языка всегда был моим любимым. Этаким ребус, который интересно разгадывать.

«Душа души моей, мой повелитель, привет тому, кто поднимает утренний ветерок, молитва к тому, кто дарует сладость устам влюбленных, хвала тому, кто наполняет жаром голос возлюбленных, почтение тому, кто обжигает, точно слова страсти. О Аллах, Аллах, твой клич услышан на небе, его величеству моему падишаху, и да поможет ему бог!»

Огромный Ататюрк — великолепный аэропорт, который был построен еще лет двадцать назад, за эти годы, что меня здесь не было, вырос и встретил меня гостеприимно.

Настроение у меня было приподнятым, и даже горлающие таксисты его не испортили. Почему-то я опять почувствовала себя как дома.

Естественно, все эти таксисты, водители автобусов, китайские, японские и разные другие туристы не имели ко мне никакого отношения. Меня встречала небольшая кучка журналистов — человек двадцать, которые немедленно начали тыкать мне в лицо вспышками. Кроме них присутствовал еще целый кортеж охраны, выделенный мне российским посольством. Я прошептывала по отдельному коридору, держась в самой середине, за мной следовала моя команда. А в самом конце процессии тащились осветитель, звукооператор, барабанщик, усталые, унылые, не выпившие, потому что теперь на рейсах Пегас Эйрлайнс курить и пить нельзя.

Пройдя все необходимые и утомительные процедуры, улыбнувшись пару раз в камеры, я утомленно по-

грузилась в просторный черный лимузин и поехала в новый старый мир.

Мы проезжали по оживленным стамбульским улицам, и я, хотя далеко и не впервые видела все это, наслаждалась видом из окна.

У меня всегда возникало какое-то странное ощущение, когда я попадала в оживленные кварталы Кадекой, азиатской части города. Эта азиатская часть Стамбула вызывала во мне какое-то умиление и чувство абсолютно домашней успокоенности и уюта. В тысячеликой, огромной, празднующейся, веселой, совсем не агрессивной толпе мне всегда хотелось потеряться, чтобы стать частью ее. Хотелось собирать эти дурацкие сувениры, хотелось почувствовать себя обыкновенным человеком, обыкновенной женщиной, которой нравится фоткаться возле быка или переезжать через великолепный отстроенный мост через Босфор и чувствовать себя перелетной птицей, которой так легко можно пересечь границу между Европой и Азией.

Мы ехали все дальше по улицам Стамбула, и вот потянулись уже кварталы современного города — такого же, как тысячи других мегаполисов и столиц. Вокруг кишели тысячи спешащих куда-то прохожих.

Наконец водитель подъехал к роскошному входу отеля, где для меня забронирован был номер.

Я вышла из автомобиля, вдохнула жаркий стамбульский воздух, наполненный смесью ароматов солнца, моря, пряностей, бензина, фруктов и цветов. У меня даже голова закружилась от обилия ароматов!

А может, я просто устала с дороги.

В любом случае до вечера у меня еще было время прийти в себя и собраться с мыслями.

Вечером из посольства за мной прислали машину. Как заботливо! Черный блестящий «мерседес», могучий и плавный, словно крупное морское животное. Эдакий тюлень или морской котик. Водитель в темной ливрее, молчаливый и услужливый... все как полагается.

Он распахнул передо мной заднюю дверь, и я села в салон автомобиля, тонко пахнувший дорогой мягкой кожей и ненавязчивой парфюмерной отдушкой. Здесь же, в салоне, обнаружили на откидном столике специально для меня сервированные шампанское и фрукты.

Весьма любезно. Только вот я никогда не ем и не пью перед выступлением.

Мои музыканты должны были прибыть в посольство отдельно. Я откинулась на спинку сиденья и рассеянно смотрела в окно автомобиля на проносящийся передо мной уже окутанный ночной дымкой удивительный город.

Я снова любовалась Стамбулом. На этот раз — вечером.

Здесь, как нигде, чувствовалась огромная разница между нищетой и богатством, между успехом и бедностью. Пожалуй, нет в мире больше ни одного города, где так ярко контрастировала бы жажда власти, денег и в то же время крепкая вера, пятидневный азан. Я видела в окно людей, расположившихся на пятничную молитву. Женщин в хиджабах, вокруг которых бегали маленькие дети...

По всему городу в темном ночном мареве виднелись ярко подсвеченные мечети — от новых до самых древних, насчитывающих со дня основания более семисот лет. И освещение у каждой было свое — где розовое, где голубое, где зеленое.

На одной из площадей я рассмотрела подсвеченную яркими лампочками собственную афишу. На ней крупными буквами по-турецки выведено было: «АЙ-ЛА». А далее, чуть более мелким шрифтом, перечисление регалий — лауреат международных музыкальных фестивалей, обладатель премии MTV, специальный приз за саундтрек к голливудскому блокбастеру и прочая и прочая. И фотография — властное, строгое лицо, скулы, подчеркнутые ретушью, губы крупные, но линия их слишком тверда, чтобы назвать этот рот чувственным, пристальный, глубокий взгляд из-под легкомысленно взлетающих вверх бровей — взгляд, исполненный затаенной боли. Длинные русые волосы плавными волнами спадают на плечи, смягчая общую драматичность и горечь образа...

«Приказано забыть», — крупно было выписано под фотографией название концертной программы и заглавной песни.

Дизайнеры постарались на славу.

Если составлять обо мне представление только по этой афише, я выходила властной и жаждущей подчинения, сильной и подчеркнута женственной, стойкой и хрупкой, легкомысленной и глубокой натурой одновременно. Отличный многогранный образ — то, что нужно для этой концертной программы.

Впрочем, даже если бы афиша и показалась мне неудачной, давно прошли те времена, когда я стала бы из-за этого переживать. Я давно уже убедилась, что, каково бы ни было первое впечатление обо мне, я всегда смогу по собственной воле сломать его, перевернуть с ног на голову и заставить человека, зрителя, поверить в то, что я именно такова, какой хочу казаться!